

Возможности этнографического исследования проституции в большом городе

LÖW M., RUHNE R. (2011). PROSTITUTION: HERSTELLUNGSWEISEN EINER ANDEREN WELT. BERLIN: SUHRKAMP. 216 S. ISBN 978-3-518-12632-5

Ирина Ивлева

Кандидат социологических наук, старший преподаватель
кафедры культурной антропологии и этнической социологии
факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета
Адрес для корреспонденции: Университетская наб., д. 7-9, Санкт-Петербург, Россия 199034
E-mail: irina_ivleva07@mail.ru

Социологические работы, выполненные с помощью этнографических методов, всегда вызывают интерес читателей. Не будет исключением и эта книга, тем более что этнографический подход применительно к сфере проституции встречается не так часто. Авторы — германские социологи Мартина Лёв, известная в Германии исследовательница города, и ее коллега Ренате Руне. Уже во введении отмечается, что тема проституции в Германии остается маргинальной. В ходе работы над проектом авторы ощутили на себе негативное отношение, когда им однажды отказали в участии в конференции по той причине, что «говорить о проституции можно в Берлине, но не в маленьком городе» (S. 9).

Тем не менее эта работа выполнена по всем законам академического жанра. В книге представлены результаты проекта этнографического исследования проституции во Франкфурте-на-Майне, проводившегося с 2005 по 2008 год и профинансированного фондом DFG (S. 65). В ней детально описан контекст, в котором осуществляется проституция, и ее восприятие в городском пространстве. При этом в центре внимания оказываются категории пола и пространства. Как отмечают авторы, несмотря на то, что проблема проституции часто открыто обсуждается, она все равно остается «миром Другого» (S. 13).

Введение, заключение и пятая глава написаны совместно. В работе над пятой главой авторам помогли Кристиане Хове и Регине Хэнн. Вторая, третья, четвертая, шестая и седьмая главы принадлежат перу Р. Руне¹. Первая, восьмая, девятая главы написаны М. Лёв (S. 18–19).

Тот факт, что проблема проституции, несмотря на повышенный интерес СМИ, в научном мире оказывается на периферии, авторы объясняют трудностями, возникающими при доступе к полю. В результате практически невозможно найти на-

© Ивлева И. В., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

1. В 2010 г. Р. Руне прошла защиту диссертации (что соответствует получению докторской степени в нашей стране) по той же теме в Техническом университете Дармштадта.

дежные количественные данные, и все публикуемые цифры основаны на оценках (S. 21). Тем не менее приводятся некоторые оценки: численность проституток в Германии доходит до 400 тыс.; оборот секс-индустрии в 1990-е годы составлял порядка 12,5 млн марок (S. 22–23). Авторы указывают, что в научной литературе зачастую встречается упрощенное определение проституции как «предоставления сексуальных услуг за деньги», а это влечет вопрос о том, относить ли к данной сфере секс по телефону и тому подобные услуги (S. 23–24). В сегодняшней секс-индустрии в Германии зачастую задействованы женщины-мигрантки. Их доля составляет до 52 %, тогда как немки или представительницы Евросоюза лишь 42 % (S. 24).

Более взвешенный взгляд, по мнению авторов, характерен для исторических работ по теме, которые не довольствуются стереотипом, что проституция является древнейшей профессией, а подчеркивают ее изменчивость и процессуальность. Поскольку во всех этих работах утверждается, что под проституцией может подразумеваться разнообразие феноменов, её четкое определение отсутствует. Позиция Лёв и Руне сводится к тому, чтобы трактовать проституцию широко и тем самым учитывать родственные явления (S. 25).

Стоит отметить, что в исторической литературе большое значение придается социальному контролю над проституцией, попыткам предотвратить распространение венерических заболеваний. Последний аспект усиленно обсуждается с середины 1980-х годов в связи с появлением ВИЧ. В этом контексте женщин, занятых проституцией, стали обозначать как особую группу риска, что дало толчок для углубленных медицински ориентированных исследований. Однако как выяснилось позже, это была неверная оценка, возникшая из-за того, что обычных проституток не отделили от тех, что одновременно были потребителями инъекционных наркотиков (S. 26).

Обсуждая вопрос о принятии Закона о проституции (ProstG) в 2002 году, авторы напоминают, что секс-индустрия в Германии легализована, но ранее она устойчиво оценивалась как безнравственная деятельность и подвергалась общественному и правовому ущемлению. Например, в тех случаях, когда клиент отказывался платить деньги, проститутка не имела возможности обратиться в суд. Кроме того, женщины, занимающиеся проституцией, не могли рассчитывать на социальное страхование. Новый закон был призван устранить эти проблемы, однако так и остался на бумаге (S. 27–30). С другой стороны, благодаря введению этого закона ныне обсуждается вопрос о том, что проституция — такая же профессия, как и все остальные. Тем не менее на политическом уровне считается важным способствовать уходу женщин из секс-индустрии (S. 31).

Лёв и Руне стремятся опровергнуть навешанный СМИ стереотип о том, что зачастую женщины занимаются проституцией по принуждению, или, во всяком случае, ставят его под сомнение (S. 33–36). В литературе господствуют два взгляда: женщины в сфере проституции не должны рассматриваться как девианты; проституция является средством реализации мужского господства над женским те-

лом (S. 37). Так или иначе, в сегодняшней Германии предпринимаются попытки оценивать проституцию как нормальную услугу, а проституток — как уверенных в себе, эмансипированных женщин. Более того, на почве этих общественных изменений возникло Движение проституток, не только указывающее на различные ограничения в их деятельности, но и критично реагирующее на дискурсы, существующие в женских и гендерных исследованиях (S. 38–39).

Значимым при исследовании проституции является тот факт, что на первом плане обычно оказываются женщины, предлагающие сексуальные услуги за деньги. Другая ключевая фигура — клиенты — до начала 1990-х годов почти не принималась в расчет или в лучшем случае рассматривалась как анонимная, бесформенная масса. Авторы стремятся восполнить данный пробел. По их мнению, исследование клиентуры проституток в Германии находится в зачаточном состоянии, поскольку клиентов проституток долгое время воспринимали как девиантов (S. 43–44). Кроме того, упускаются из виду социально-пространственные аспекты, хотя в городах Германии до сих пор действуют постановления о так называемых запретных зонах (*Sperrgebietsverordnungen*), и кварталы красных фонарей по-прежнему воспринимаются как мир Другого (S. 45).

По оценкам экспертов, количество проституток во Франкфурте-на-Майне доходит до 2000 человек, которые работают в борделях, апартаментах, сауна-клубах и на улице. И хотя уличная проституция в сегодняшних условиях почти утратила свое значение (S. 48), в третьей главе перечисляются основные улицы, где она все еще сохраняется. Профессиональные проститутки легально работают в зоне Теодор-Хёусс-Аллеи, а в Привокзальном квартале города давно существует участок, где работают наркозависимые женщины. Однако из-за маргинальности уличной проституции в секс-индустрии города авторы не стали концентрировать на ней внимания (S. 54).

На самом деле наибольшим спросом пользуется проституция в борделях, которые сосредоточены в Привокзальном квартале (S. 55), представляющем собой основную зону толерантности и типичный квартал красных фонарей. При этом мигрантки составляют 90–95 % от всех женщин, задействованных в секс-индустрии города. 47 % из них прибыли из Южной Америки и с Карибов, 22 % — из Таиланда, 20 % — из Восточной Европы, и только немногие — из Африки и с Ближнего Востока (S. 58). Привокзальный квартал, в котором концентрируется секс-индустрия города, застроен как старыми, так и более современными зданиями, однако неопрятные фасады, неприятный запах на некоторых улицах и мусор вызывают ощущение заброшенности. Несмотря на то, что в последние годы ситуация несколько улучшилась, квартал остается местом притяжения для наркоманов, что считается здесь самой главной проблемой (S. 59). В этой связи можно даже ставить вопрос о том, что сильнее влияет на сохранение негативного имиджа квартала.

Удивительно, но подробности исследования детально излагаются лишь в четвертой главе, хотя некоторые аспекты оговариваются уже во введении. Лёв и Руне относятся к сторонникам конструктивистского подхода и рассматривают способы

организации пространства как результат социального конструирования. Категории пространства и гендера являются для них взаимно обусловленными социальными конструкциями, процессы формирования которых они намеревались исследовать. Авторы полагают, что организация пространства в сфере проституции влияет на воспроизводство гендерного порядка и наоборот (S. 63).

Что касается использованных методов, то на первом этапе это был содержательный анализ документов: медийных отчетов о проституции за последние 50 лет, а также документов из сферы коммунальной политики, затрагивающих тему проституции (S. 65). Кроме того, использовался метод включенного наблюдения. Одна из авторов книги (кто именно это был, не указано) на протяжении полутора лет проживала в квартале. На время исследования здесь был арендован офис, в том числе для проведения интервью. Как высшее проявление доверия сами Лёв и Руне восприняли тот факт, что один из владельцев борделя предоставил им на четыре дня помещение, где они проводили интервью с клиентами (S. 70).

В ходе исследования была собрана коллекция проблемно-ориентированных, лейтмотивных интервью с представителями разных групп, имеющих отношение к проституции. Речь идет не только о проститутках, их клиентах и владельцах борделей, но и о работниках социальных служб, полицейских, других экспертах и жителях квартала. Число проинтервьюированных женщин, занимающихся проституцией, — всего пять человек, столько же владельцев борделей, а вот число опрошенных клиентов — одиннадцать (S. 66–69). При этом нужно учитывать сложность доступа к полю и то, что интервью длились в среднем полтора-два часа. Книга буквально пронизана цитатами.

Пятая глава посвящена описанию постепенного вытеснения уличной проституции из публичного пространства города и ее локализации в помещениях. Авторы обозначают этот процесс как своего рода «одомашнивание» и фиксируют его рамками 1960–1990-х годов. Здесь используются в основном материалы содержательного анализа прессы. Сегодня около 80 % секс-индустрии в Германии осуществляется в помещениях, но так было не всегда. Ссылаясь на Н. Элиаса, Лёв и Руне описывают процесс изгнания уличной проституции как способ придания ей более цивилизованных форм (S. 71–72). В 1960-е годы проституцию стали обсуждать прежде всего как проблему публичного городского пространства. Распространение уличной проституции побудило городские власти к принятию первого постановления о запретной зоне. Весь центр города, в том числе Привокзальный квартал, были объявлены запретными зонами для проституции. Но несмотря на попытки правового регулирования в этих зонах, проституция не исчезала (S. 73). Более того, во многом из-за принятых постановлений уличная проституция стала распространяться на другие жилые районы, что вызывало устойчивое недовольство населения (S. 74). В этот период было четко провозглашено желание покончить с уличной проституцией в Привокзальном квартале, стали приниматься полицейские меры.

Однако в 1969 году власти города пришли к выводу, что борьба с неконтролируемой уличной проституцией бесперспективна, более того, дали разрешение на возведение первого крупного борделя (S. 77). С наличием уличной проституции на определенных улицах Привокзального квартала смирились. В этой связи обычно делались отсылки на традиционные зоны толерантности, где проституция допускалась, но дискуссия о согласовании ее пространственного распределения в городе постепенно стихла (S. 79). Привокзальный квартал был объявлен зоной толерантности, что привлекло к нему инвесторов, способствовало повышению стоимости зданий, изменению его социальной структуры и концентрации проституции в борделях. Однако в 1987 году в силу вступил новый запрет, призванный освободить квартал от проституции. Тем не менее некоторые его части сохранили за собой право быть эксклюзивными зонами толерантности (S. 80).

Дополнительно к пространственному распределению проституции в городе в прессе освещался вопрос о ее влиянии на жителей. Основную угрозу видели в том, какое воздействие проституция оказывает на молодежь, и прежде всего на девочек. В результате социализация городских детей на улице прекращается и ведущей становится модель домашнего ребенка (S. 84–87). В то же время во второй половине 1980-х новой темой, обсуждаемой в прессе, становится представительство интересов женщин, занятых проституцией. Появляется движение под названием «Проститутки защищаются вместе» (*Huren wehren sich gemeinsam*). В этом контексте о проституции говорят как о сфере активности формирующегося женского движения и партии «зеленых». Медийное разделение женщин на порядочных и непорядочных, по крайней мере в городском парламенте, начинает отходить на второй план, а отдельных женщин, занимавшихся проституцией, отныне рассматривают как политиков. Если раньше считалось, что проститутки — это женщины, которые не готовы работать, то теперь проституцию все чаще оценивают как профессиональную деятельность (S. 91–93). Движение проституткок наладило связи с партиями, женскими инициативами, органами здравоохранения и церквями, поставив своей целью преодолеть изоляцию женщин, работающих в сфере секс-услуг (S. 94). Также со временем изменилось отношение к сутенерам, которые превратились в предпринимателей, владельцев тех или иных заведений и тем самым повысили свой статус и влияние. Вместе с тем это не привело к тому, что работа в секс-индустрии стала частью обычной повседневной жизни (S. 103).

Какие эмоции вызывают городские пространства проституции? Привокзальный квартал вызывает у людей безотчетный страх и ощущение небезопасности, которые не поддаются рациональному объяснению, в связи с чем авторы пишут о социальном конструировании эмоций и эмоционально нагруженных пространственных структурах. Несмотря на то, что СМИ этот квартал порой рассматривают как развлекательный, информанты придерживались другого мнения. Бывший руководитель полицейского участка признался, что за все время своей работы в квартале он так и не смог преодолеть чувство страха по отношению к городской «сцене» проституции (S. 105, 120–121). Даже те, кто чувствует себя в квартале

относительно уверенно (а это чаще мужчины), делали оговорку, что все же это небезопасное место в городе (S. 106). Хотя проституция стала по большей части невидимой, люди знают, что здесь происходит. Символическая репрезентация проституции в квартале сейчас обеспечивается в основном за счет обильной наружной рекламы (S. 119). Стратегия поведения других жителей города связана с избеганием квартала, что особенно характерно для «солидных» женщин (S. 123)².

Возникает ощущение, что, описывая отношения жителей квартала к проституции, авторы представили недостаточное количество точек зрения. К тому же к жителям квартала (опрошено всего пять человек) отнесены люди, ведущие здесь тот или иной бизнес, некоторые из них, очевидно, не проживали в квартале. Точка зрения представителя сферы искусства, который осознанно выбрал Привокзальный квартал как «креативное место жительства», упоминается только вскользь (S. 68). Можно предположить, что кварталы красных фонарей порой могут становиться туристической достопримечательностью города, как в Амстердаме, где такой квартал стал местом паломничества туристов, большинство которых приходят туда скорее из любопытства. Насколько Привокзальный квартал привлекает к себе внимание в этом смысле, в книге вообще не оговаривается.

Седьмая глава поднимает вопрос о проявлении эмоций в сфере проституции. Как правило, продаваемый секс и подлинные чувства четко разделяются. С одной стороны, клиенты подтверждают, что они испытывают «изолированное удовольствие», тогда как брачные и партнерские отношения связаны у них с тесной эмоциональной близостью (S. 125–126). С другой стороны, по мнению авторов, эмоции и в проституции играют довольно значимую роль. Обычно проститутки и клиенты говорят о чувстве удовольствия и удовлетворенности, указывают на возможность возникновения симпатии, дружбы, ищут в проституции новых ощущений (S. 132, 144–145). Более того, авторы неоднократно отмечают, что и здесь возможна любовь (S. 132, 147–148). Однако по мере дальнейшего изложения становится понятно, что речь может идти и о таких чувствах, как страх, стыд, отвращение, брезгливость (S. 138, 142).

Лёв и Руне подчеркивают, что подавляются прежде всего положительно воспринимаемые эмоции (S. 148). В этой связи возникает вопрос (наверное, дилетантский, но все же): что плохого в том, если проститутка может влюбиться? Почему табуируются проявления чувств? Это качественное исследование как раз интересно тем, что оно позволяет путем экспликации повседневных, рутинных практик и отношения к ним уловить сущность изучаемой среды. Однако на поставленные выше вопросы однозначного ответа нет. Видимо, авторы сами оказались в ловушке представлений о том, что это должно быть самой собой понятно. Но это дает возможность домыслить какие-то вещи самим читателям.

2. В этом отношении книга перекликается с недавно опубликованной работой Й. Хэфеле о феноменах беспорядка и страхе перед преступностью у жителей большого города (*Häfele J.* (2013). *Die Stadt, das Fremde und die Furcht vor Kriminalität*. Wiesbaden: Springer). Однако стратегии исследования совершенно разные.

Конечно, чувство отвращения может существенно затруднять работу в проституции. И эти чувства тоже подавляются. Скорее всего, они возникают даже чаще. Неслучайно авторы вспоминают и о других профессиях, вызывающих еще больше брезгливости, например, оказание услуг, связанных с уходом за ногами. Однако в профессиях подобного рода неприятные чувства фактически считаются нормой (S. 142–143). В то же время табуирование чувства любви и других положительных эмоций, по их мнению, способствует поддержанию границ между проституцией и нормальностью (S. 149). Это объяснение не кажется вполне убедительным. Ведь проблема состоит не только в том, что клиенты не стремятся сформировать привязанность, поскольку многие из них женаты, а в том, что взаимная любовь подтолкнет к уходу из этой профессии. В принципе такая цель ставится и на политическом уровне. Однако когда уровень образования низкий или не соответствует условиям принимающей страны, сделать это проблематично. С другой стороны, можно рассматривать как белое пятно и то, что в книге практически не обсуждаются возрастные рамки занятости в сфере проституции и уход из нее. Мимоходом упоминаются лишь бывшие проститутки, которые проявляют активность в общественной сфере, но как складывается судьба остальных, неизвестно.

В восьмой главе основной акцент сделан на проблеме чистоты, которую можно трактовать в прямом и переносном смысле. Этот аспект, активно обсуждавшийся в интервью, был неожиданным для самих авторов, стремившихся собрать данные о сексуализированных пространствах (S. 158). Ожидания чистоты могут быть направлены на пространство и тело. Владельцы борделей надеются путем поддержания чистоты в материально-вещественном смысле преодолеть устойчивое отождествление проституции с «грязью», ее негативный имидж, что на первый взгляд кажется наивным. Во всяком случае, некоторые из них желали заполучить какой-нибудь сертификат за образцовую чистоту в борделе, рассчитывая, что стандарты гигиены помогут изменить это отношение (S. 173).

Владельцы борделей не раз проблематизировали в интервью нечистоплотность клиентов, которые, приходя в бордель, теряют контроль над остальными телесными функциями (S. 158, 173). Но даже если это и так, их, в отличие от проституток, обычно не отождествляют с «грязью» или «отбросами». Авторы приходят к выводу, что чистоте и запятнанности придается большое символическое значение. Чистоту и нечистоту они рассматривают как культурный образец, фиксируемый также в документах XIX века, в которых образ «грязного» тела проститутки использовался с тем, чтобы охарактеризовать большой город как «клоаку» (S. 159). В противоположность этому нынешние посетители борделей описывали проституток как «красивых», «ухаженных», «свежевымытых» женщин (S. 153). Более того, гигиенические практики, определяемые в книге как «ритуальное очищение» (*ritualisierte Waschung*), обсуждались в основном применительно к мужчинам (S. 166).

Но видимо, ассоциации с грязью связаны не только с риском заражения, который, как отмечается в книге, в силу повсеместного использования презервативов,

вов, а также гигиенических практик существенно снизился (S. 161), хотя и не исчез полностью. Между тем от внимания авторов как будто ускользает тот факт, что экономическая логика секс-индустрии состоит в том, чтобы обслужить как можно больше клиентов. При этом оказание сексуальных услуг связано с добровольным допущением в границы интимности незнакомцев с целью наживы, прямого расчета. Скорее всего, именно это рассматривается как нечто «грязное», и такое отношение, очевидно, сложно преодолеть. С другой стороны, понятно и то, что реальная жизнь накладывает ограничения на эту жесткую бизнес-логику. При попытках оценить, какой доход приносит секс-индустрия города, исходили из того, что одна проститутка обслуживает в день не более трех мужчин (S. 23).

В девятой главе проституция описывается как работа, требующая значительных усилий, определенной инсценировки, не зависящей от того, что чувствует проститутка, умелого регулирования эмоций и постоянной борьбы за создание убедительного образа, который должен подогревать влечение (S. 185). То, что эту профессию зачастую связывают с обманом, использованием тех или иных уловок, оговаривали в интервью посетители борделей, придающие большое значение выражению лица женщины, раскованности ее поведения, обстановке ее комнаты (S. 177–179, 182–183). В то же время авторы подчеркивают, что задача проститутки состоит не в том, чтобы создать видимость, а в том, чтобы сделать возможным чувственный опыт (S. 187), хотя здесь, как представляется, достаточно сложно провести грань между реальными чувствами и имитацией. Поэтому главная рекомендация: организовать для проституток курсы актерского ремесла и драматургии (S. 191) может вызывать неоднозначную реакцию. На мой взгляд, логичнее стремиться к реализации Закона о проституции, согласно которому проститутки имеют право на социальное обеспечение, и к тому, чтобы решить проблему, связанную с концентрацией наркоманов и дилеров в Привокзальном квартале, способствовать, наконец, уходу из профессии.

В заключении книги еще раз делается акцент на способах воспроизводства «другого» мира, не получающего особого признания в «нормальной» городской жизни.

Хотя эта работа, по существу, носит эмпирический характер и может задавать ориентиры для этнографического исследования, все же остается впечатление, что она недостаточно продумана в теоретическом плане. При обсуждении того или иного аспекта авторы опираются на идеи Н. Элиаса, П. Бурдьё, М. Дуглас, И. Гоффмана, по случаю делают ссылки на отдельные исследования зарубежных авторов о проституции, однако мало учитывается мировая дискуссия по этой тематике и концепции в сфере изучения сексуальности. Поэтому вопрос о том, как соотносится, к примеру, концепция пластической сексуальности Э. Гидденса³ с повседневными практиками в сфере проституции или как оценивать проституцию на фоне все большего разнообразия сексуальных практик и более толерантного отно-

3. Гидденс Э. (2004). Трансформация интимности. СПб.: Питер.

шения к ним, в книге не ставится. В результате появляется ощущение недосказанности, что можно рассматривать и как плюс, ведь книга наводит на размышления и одновременно позволяет выявить лакуны. С другой стороны, использование этнографического подхода позволило увидеть мир проституции изнутри и его роль в городском пространстве. Это несомненная заслуга авторов. Работа может быть интересна и в плане анализа сходств и различий практик регулирования проституции в Германии и России.